

The background of the entire image is a vibrant sunset scene. A person is captured in mid-air, jumping joyfully from a wooden pier. The pier has dark wooden posts and a rope railing. The sky is a mix of orange, pink, and purple, with scattered white clouds. In the upper left, a large, bright firework bursts, with many smaller sparks falling across the sky. The overall mood is celebratory and joyful.

САРА ДЕССЕН

ЛУНА В КАРМАНЕ

Настоящая сенсация!

Сара Дессен
Луна в кармане

«АСТ»

1999

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дессен С.

Луна в кармане / С. Дессен — «АСТ», 1999 — (Настоящая сенсация!)

ISBN 978-5-17-101732-3

У юной Коули нет друзей, над ней издеваются одноклассники, она вечно одинока, не уверена в себе и искренне считает, что недостойна дружбы. Когда ее мать, фитнес-гуру, уезжает в турне по Европе, а ее отправляет в маленький приморский городок к эксцентричной тете Мире, Коули думает, что это будет худшее лето в ее жизни. Но знакомство в маленьком кафе с Морган и Изабель все меняет. Эти девушки помогают Коули взглянуть на себя с новой стороны и поверить, что каждый человек заслуживает любви и внимания...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101732-3

© Дессен С., 1999

© АСТ, 1999

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сара Дессен

Луна в кармане

Sarah Dessen

KEEPING THE MOON

Печатается с разрешения издательства Viking Children's Books, a division of Penguin Young Readers Group, a member of Penguin Group (USA) Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Sarah Dessen, 1999

© Перевод. Е. Сыромятникова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Меня зовут Николь Спаркс. Добро пожаловать: мы с вами на пороге худшего лета в моей жизни!

– Коули, – вздохнула мама, двигаясь ко мне по перрону. Она была в спортивном костюме из ее линейки «Флай Кики» – фиолетовом, делавшем ее похожей на большую блестящую виноградину. В дверях вокзала ее личная помощница многозначительно посмотрела на часы. – Пожалуйста, не сгущай краски!

Я выдавила искусственную улыбку, крепче обхватив себя руками.

– Ну вот, так еще хуже, – промолвила мама. – С таким цветом волос и этой штуковиной в губе ты кошмарно смотришься, даже когда улыбаешься.

Она подошла ближе, подошвы ее кроссовок издавали на асфальте мышиный писк. Новенькие, с иголки, как и весь ее гардероб.

– Дорогая, ты же знаешь, что так будет лучше. Не оставаться же тебе одной в доме на все лето. Ты затоскуешь.

– У меня есть друзья, мама, – напомнила я.

Мама с сомнением склонила голову.

– Ох, дорогая, – повторила она. – Так будет лучше.

«Для тебя», – подумала я. Такова моя мама – у нее всегда самые благие намерения. Обычно ими дело и ограничивается.

– Кики, – произнесла помощница, чье имя я не удосужилась запомнить – когда вернусь, ее уже не будет. Наверное, получит расчет еще до того, как они доберутся до аэропорта. – Нам пора, иначе опоздаем на самолет.

– Ну хорошо, хорошо. – Положив руки на бедра, мама приняла свою классическую позу «аэробика от Кики Спаркс» и оглядела меня с ног до головы. – Продолжай упражнения! Было бы обидно снова набрать вес.

– Хорошо.

– И следи за своим питанием. Помнишь, я упаковала тебе всю линию Кики – так что будет чем питаться у Миры.

– Да.

Она опустила руки, и на мгновение я снова увидела свою маму. Не Кики Спаркс, фитнес-гуру и личного тренера многих людей. Не Кики из ток-шоу, не Кики – ведущую телемагазина, не Кики, улыбающуюся с миллионов упаковок продуктов для похудения, разошедшихся по всему миру. Просто свою маму. Но поезд уже подошел к платформе.

– Ох, Коули! – Она притянула меня к себе и зарылась лицом в мои иссиня-черные волосы – у нее едва не случился нервный срыв, когда утром я вышла к завтраку с новым цветом. – Пожалуйста, не сердись! Ладно?

Я тоже обняла ее, хотя и твердила себе, что не стану. Представляла, как буду стоять на вокзале молча, с каменным лицом, чтобы в летний фитнес-тур «Флай Кики в Европе» мама увезла с собой воспоминание о моем недовольном виде. Но в этом я была противоположностью мамы – у меня все ограничивалось лишь дурными намерениями.

– Я люблю тебя, – прошептала она, провожая меня до вагона.

«Тогда возьми меня с собой», – подумала я, но мама уже отстранилась и вытерла глаза. Я знала, что, если теперь произнесу эти слова, они принесут больше вреда, чем пользы.

– Я тоже тебя люблю, – сказала я.

Когда я устроилась на своем месте и выглянула в окно, ее фиолетовый силуэт виднелся у дверей станции. Помощница суежилась рядом. Мама помахала мне, и я помахала в ответ, хотя

в горле у меня уже стоял ком. Затем засунула в уши наушники, включила музыку на полную мощность и закрыла глаза. Поезд тронулся.

Так было не всегда. В моем самом раннем воспоминании мне пять лет, и я в белых туфельках сижу на переднем сиденье нашего старенького универсала «Плимут Воларе» перед магазином «Севен-элевен». Страшная жара, мама идет ко мне, в руках у нее два литровых стакана содовой, пачка чипсов и коробка кексов «Твинкис». Она в красных ковбойских сапогах и короткой юбке – несмотря на то что это воспоминание относится к периоду, который мы называем «жирные годы». Даже когда мама страдала ожирением и порой ее вес доходил почти до ста пятидесяти килограммов, это не мешало ей слепо следовать моде.

Она открывает дверцу и забрасывает добычу в салон, пачка чипсов соскальзывает с моих колен и падает на пол.

– Двигайся, – говорит мама, втискивая свои обширные формы рядом со мной. – До Техаса еще полдня.

Все остальные воспоминания из моего раннего детства – это автомагистраль и несущиеся мне навстречу пейзажи: сухая и плоская пустыня, высокие сосны, ветреные прибрежные дороги в обрамлении дюн. Менялось почти все, но было и кое-что постоянное. Мы с мамой – толстые. Расстояния между остановками были небольшими. И мы всегда находились вместе, вдвоем против целого мира. Наша последняя остановка случилась три года назад: город Шарлотта в Северной Каролине. Никогда я не училась так долго в одной и той же школе. Именно тогда моя мама превратилась в Кики Спаркс.

Раньше она была Катариной – женщиной без аттестата о среднем образовании, но со множеством маленьких талантов. Мама заправляла машины, продавала по телефону места на кладбище, распространяла косметику «Мэри Кей», даже организовывала встречи в эскорт-агентстве. Что угодно – лишь бы у нас были деньги на еду и на бензин, если ей снова придет в голову сорваться с места. Но через несколько дней в Шарлотте мама попыталась устроиться на работу в прачечной, ее не приняли, и от возмущения она резко сдала назад на парковке и въехала в «Кадиллак». У нас не было ни цента, и она договорилась с хозяйкой автомобиля – управляющей спортзала «Леди Фитнес», – что будет бесплатно работать на нее, пока не возместит ущерб. Сначала мама мыла тренажеры и отвечала на телефонные звонки, но за несколько недель так понравилась управляющей, что получила полноценную работу и бесплатное членство в клубе. Еще на прошлой неделе мы довольствовались супом из кетчупа и лапшой быстрого приготовления и спали на заднем сиденье машины. Теперь же у нас появились стабильный источник дохода и приличная квартира. Тогда, в «жирные годы», все разрешалось в последний момент.

Всю жизнь мама пыталась сбросить вес. В «Леди Фитнес» у нее начало получаться. Она обожала танцевать и просто влюбилась в аэробику, стараясь втиснуть в свое расписание все возможные занятия. Через неделю начала таскать на эти занятия и меня. Мне было неловко. Мама пылала энтузиазмом, ее голос гремел, заглушая остальные, и все сто тридцать шесть килограммов ее тела подпрыгивали, пристукивали, хлопали в ладоши и подпевали музыке.

Тренеры, однако, ее любили. Вскоре один из них начал помогать маме готовиться к получению сертификата на ведение занятий. Успешно сдав экзамен, она стала самым тяжеловесным – и самым популярным – тренером за всю историю «Леди Фитнес». Мама включала самую лучшую музыку, знала поименно всех участников занятий и использовала рассказы о «жирных годах», чтобы подчеркнуть свою главную мысль: любой может добиться чего угодно, если задается целью.

Мы жили в Шарлотте уже два года, мама сбросила семьдесят килограммов, а я заодно с ней – двадцать. Катарина исчезла, вместе с пончиками и шоколадным молоком на завтрак, с нашими толстыми боками и двойными подбородками – и появилась Кики.

Она гордилась своим новым, сильным телом, но мне перемены дались тяжелее. Хотя меня и дразнили всю жизнь, мои жировые складки порождали во мне какое-то удивительное ощущение комфорта, и я радовалась тому, что на моей талии есть за что подержаться. Собственный вес будто окружал меня силовым полем, защищая при переходе из одной школы в другую, а долгими вечерами, пока мама была на работе, еда служила мне единственным утешением. Теперь, без этих двадцати килограммов, мне было не за чем спрятаться. Порой ночью в постели я ловила себя на том, как хватаюсь за кожу на талии, забывая, что подержаться больше не за что.

Мое тело изменилось, как я когда-то и хотела. Скулы заострились, появились мышцы и плоский живот, кожа стала чистой, как у мамы. Но чего-то не хватало – чего-то, что всегда нас отличало. Я могла прокачать мышцы, но неуверенность в себе – не существовало для этого упражнений. И все же я продолжала заниматься спортом – аэробикой, бегом, силовыми тренировками, – подгоняемая эхом насмешек, которые слышала всю свою сознательную жизнь. «Толстозадая!» – еще десять выпадов, хотя ноги уже горят. «Жирдяйка!» – еще один повтор, штанга крепко зажата в кулаках, хотя боль становится невыносимой. «Громоляжки!» – еще один километр трусцой: если бежать достаточно быстро, в какой-то момент голоса наконец стихнут.

Мы с мамой стали новыми людьми: пропало даже сходство со старыми фотографиями. Иногда я представляла, что прежние толстые мы все еще разъезжаем где-то по стране, будто призраки с пачками чипсов в руках. Странное это было ощущение.

Тем временем на мамины занятия в «Леди Фитнес» приходило все больше людей, зал набивался под завязку желающими услышать ее советы. Вскоре местный телеканал предложил ей вести свое собственное утреннее шоу: «Проснись, и в бой». Я смотрела передачи перед занятиями в школе, сидя за кухонным столом с бутылкой обезжиренного йогурта и тарелкой орехово-виноградных энергетических мюсли.

«Меня зовут Кики Спаркс, – говорила мама в начале каждого выпуска под нарастающее крещендо на заднем плане. – Вы готовы поработать?» Скоро по всему городу звучали сотни, а потом и тысячи женских голосов, кричащих: «Да!»

Ее выход на уровень штата – а потом и страны – оставался вопросом времени. Женщина, которая привела маму в «Леди Фитнес», заложила свой дом, чтобы снять видеоролик «Флай Кики», который разошелся миллионным тиражом после того, как мама появилась на телемагазине и провела для ведущей пятиминутный «Супержиросжигатель». После этого все пошло как по обезжиренному маслу.

У нас появились дом с бассейном, кухарка, которая готовит нам обезжиренные обеды, а у меня – спальня с ванной и собственный телевизор. Осталась лишь одна проблема: мама теперь вечно занята распространением Кикимании по стране и за ее пределами. Впрочем, если я слишком соскучусь, то всегда могу попереключать каналы в поисках ее передачи: «Пара слов от Кики: все получится!» – и найти маму там. Но порой я все еще представляю, как мы разъезжаем на нашем стареньком автомобиле – я дремлю, положив голову маме на колени, а она громко подпевает радио. И я тоскую по бесконечной дороге перед нами, которая обещает новые возможности, ведет к новой школе, где я смогу начать все сначала.

Через пять часов поезд прибыл на станцию Колби. Единственным встречающим на платформе был какой-то шатен с волосами до плеч. Он был в футболке-варенке, обрезанных шортах цвета хаки и шлепанцах, на руке, как у какого-то хиппи, был примерно миллион браслетов с черепами, на носу – солнцезащитные очки в синей оправе. В Колби сошла только я и теперь стояла на платформе и шурилась от бьющего в глаза солнца. Было очень жарко, хотя я знала, что где-то поблизости – океан.

– Николь? – произнес парень.

Я подняла голову и увидела, что он сделал несколько шагов в мою сторону. Его шорты покрывали пятна белой краски, и я была уверена, что если принюхаюсь, то почувствую либо запах пачули, либо марихуаны. Решила не принюхиваться.

– Коули, – поправила я.

– Ясно. – Он улыбнулся. Я не могла разглядеть выражение его глаз. – Мира прислала меня встретить тебя. Я – Норман.

Мира – моя тетя. Ей выпала сомнительная честь приютить меня на лето.

– Твое? – Норман показал на сумки, которые носильщик сложил горой на дальнем конце платформы.

Я кивнула, и он двинулся к ним медленной, ленивой походкой, которая уже начинала меня раздражать.

Меня захлестнула волна стыда, когда я увидела, что рядом с моими сумками выстроилась вся линейка товаров «От Кики». «Кики поп-мастер», коробка «Перекус Кики», дюжина новых мотивационных аудио- и видеокассет «Флай Кики», плюс несколько коробок витаминов и спортивных костюмов с изображением моей улыбающейся мамы.

– Ого! – воскликнул Норман и принялся вертеть в руках «Поп-мастер». – Это что такое?

– Это я возьму сама, – проговорила я, поспешно выхватывая «Поп-мастер» у него из рук.

Всю дорогу я представляла Колби как место загадочное, необычное: словно мрачный незнакомец, который не отвечает ни на чьи вопросы. Этот образ было труднее удержать в голове, волоча «Поп-мастер» перед единственным за последний год парнем, который не решил по умолчанию, что я – девица легкого поведения.

– Машина вон там, – сказал Норман, и я проследовала за ним на пустую парковку, где стоял старенький «Форд».

Он положил мои вещи на заднее сиденье и придержал дверцу, чтобы я закинула внутрь «Поп-мастер», с лязгом приземлившись на пол. Теперь нужно было вернуться на платформу за остатками барахла от Кики.

– Как поездка? – поинтересовался Норман.

В салоне пахло прелыми листьями и было полно всякого мусора – только передние сиденья, судя по всему, недавно расчистили. На заднем примостилось четыре манекена, все безголовые. У одного не хватало руки, у второго – ладони, но все они сидели ровно в рядок, будто подготовившись к поездке.

– Отлично, – ответила я, гадая, что за чудака подослала ко мне Мира.

Я забралась в салон и с силой захлопнула дверцу, поймав свое отражение в зеркальце заднего обзора. В суете я забыла о своих волосах. Они были такими черными, что на секунду я себя не узнала. После непродолжительных уговоров со стороны Нормана машина тронулась, и мы выехали на пустой перекресток.

– Ну как? – поинтересовался Норман. – Больно было?

– Что?

– Это, – пояснил он, прикоснувшись к правому углу своей верхней губы. – Больно или нет?

Я провела языком по внутренней стороне губы, нащупав маленькое металлическое колечко.

– Нет.

– Ясно, – кивнул он. Зажегся зеленый свет, и мы поползли вперед. – А кажется, что было больно.

– Не было, – сухо промолвила я, чтобы у него не возникло соблазна снова заговорить.

Дальше мы ехали молча.

Машина у Нормана была очень странная. Помимо наших безголовых попутчиков, в ней находилось еще штук двадцать крошечных пластиковых животных, прилепленных к торпеде

аккуратным рядом, а с зеркальца заднего обзора свисала здоровенная пара красных плюшевых игральные костей.

– Милая тачка, – пробормотала я себе под нос. Псих какой-то, не иначе.

– Спасибо! – радостно откликнулся Норман, протягивая руку, чтобы поправить красного жирафа у вентиляционного отверстия. Он явно принял мой комплимент за чистую монету. – Я над ней еще работаю.

Мы свернули на грунтовку и миновали несколько домов, за которыми мелькали отблески воды. В самом конце дороги остановились перед большим белым домом. За верандой виднелось море, слышался плеск волн, у берега покачивались маленькие лодочки. Норман дважды просигналил и выключил мотор.

– Она ждет тебя, – произнес он.

Выбравшись наружу, Норман обошел автомобиль и открыл заднюю дверцу, чтобы достать мои вещи и сложить их на крыльце. На самую верхушку он с ювелирной точностью пристроил «Поп-мастер». Уж не знаю, может, посчитал, что это остроумно.

– Спасибо, – пробормотала я.

Веранда Миры была построена в стиле старого Юга: широкая и длинная, она растянулась вдоль всего фасада, и в глаза мне сразу бросились две вещи. Первая – старый велосипед, прислоненный к окну фасада. Над задним крылом у него были «плавники» в стиле «Кадиллака», а из-под нанесенной из баллончика красной краски местами проглядывала ржавчина. В металлической корзине у руля лежала пара солнцезащитных очков в толстой черной оправе. Вторым предметом, привлечшим мое внимание, была маленькая табличка, наклеенная над звонком. Ее будто вытащили из какой-то картотеки, и большими печатными буквами на ней было написано: «Звонок». Для полных идиотов под надписью была еще и стрелочка. Я начала задумываться, куда я попала.

– Норман! – раздался женский голос из-за двери с проволочной сеткой. – Это ты?

– Да, – отозвался он, поднялся по ступенькам и наклонился к двери, заслоня глаза рукой. – На сей раз поезд прибыл точно по расписанию.

– Я опять не могу его найти, – сказала, предположительно, моя тетя Мира. Кажется, она быстро перемещалась – ее голос звучал то громче, то тише. – Он находился здесь утром, а потом ускользнул...

– Я поищу, – произнес Норман, оглядывая крыльцо и двор. – Он никогда далеко не уходит. Наверное, снова повздорил с тем псом.

– Повздорил?

– Очень сильно, – пробормотал он, не прерывая поисков.

– Коули с тобой? – спросила тетя. Судя по громкости, она снова подошла ближе.

– Да, – ответил Норман. – Прямо здесь.

Я ждала, когда откроется дверь, но ничего не происходило.

– Не выношу, когда он так поступает, – раздался снова удаляющийся голос.

Я посмотрела на Нормана, который мерил шагами крыльцо, время от времени перегибаясь через перила и заглядывая под дом.

– Мы найдем его, – заявил он. – Не переживай.

Я оставалась на месте. Похоже, тетя радовалась моему приезду не меньше, чем я. Я села рядом со своей сумкой и обхватила колени руками.

В кустах послышался шорох, и на меня воззрился самый толстый кот, какого я когда-либо видела. Он протиснулся в щель в перилах, едва не застряв, и обтерся об меня, оставляя слой шерсти на моих черных брюках, куртке и футболке. Затем влез мне на колени, на секунду выпустил когти и устроился поудобнее.

– Кот Норман! – воскликнул Норман, и кот обернулся к нему, подергивая хвостом.

– Что? – удивилась я.

– Нашел! – крикнул Норман.

– Нашел? – раздалось из дома.

– Заходи и возьми кота с собой, – обратился ко мне Норман. – Мира тебя сразу полюбит.

– Не люблю кошек, – сказала я, пытаюсь стряхнуть чудовище с колен. Теперь оно урчало, оглушительно, словно бензопила.

– Кот Норман! – позвала Мира. – Иди сюда, кошмар ты мой!

– Занеси его внутрь, – посоветовал Норман. – Она ждет.

Он начал неторопливо спускаться с крыльца. Я уже заметила, что Норман двигался медленно.

Я встала, по-прежнему держа кота на руках. Весил он килограммов пятнадцать – как полный набор гантелей от Кики.

– Увидимся, – сказал Норман, обходя дом и направляясь к заднему двору.

– Коули! – позвала Мира. Через сетку я разглядела ее силуэт в коридоре. – Он с тобой?

Я приблизилась к двери, прижимая к себе кота.

– Мы идем, – объявила я.

Первое, что я увидела, когда мои глаза привыкли к новому освещению, был телевизор. Показывали рестлинг – какой-то здоровяк в плаще и с повязкой на глазах прыгал с канатов, чтобы расплющить извивающегося на матах мужчину в пурпурном латексе. Человек в плаще оттолкнулся от канатов, раскинув руки, и устремился к своей жертве. Зрители в ужасе наблюдали, как он падал, падал, падал...

– Кот Норман! – воскликнула тетя Мира, заслоня собой телевизор и раскрывая объятия навстречу нам обоим. – И Коули. Привет!

Мира весила не меньше, чем моя мама до превращения в Кики Спаркс. У нее было широкое лицо и длинные рыжие волосы, собранные на затылке в небрежный пучок – как будто она собиралась в спешке. Из пучка торчали ручка и карандаш. Мира была в старом темно-зеленом кимоно с узором из драконов, большой белой футболке, черных лосинах и шлепанцах-вьетнамках. Ногти на ногах были покрыты ярко-розовым лаком.

– Коули! – позвала она, и, не успев я оглянуться, как нас с котом стиснули в объятиях. От Миры пахло ванилью и скипидаром. – Я так рада тебя видеть. Ты изменилась, выросла! И похудела! Значит, программа твоей мамы работает?

– Да.

В нос мне залетел комок кошачьей шерсти, и глаза у меня заслезились.

– Плохой, плохой кот Норман! – пожурела Мира зажатого между нами кота. Тот все еще мурчал. – В какую же передрыгу ты влез на сей раз? – Кот чихнул, заерзав, выскользнул у меня из рук и приземлился на пол с практически тем же звуком, что и рестлер в плаще. – Ох, ты суший кошмар! – ворчала Мира, пока кот неторопливо удалялся. Затем она перевела взгляд на меня и покачала головой. – Он свет моей жизни, но сейчас ему два с небольшим – ужасный возраст – и у него период отчуждения. У меня сердце разрывается!

– Вы о коте? – уточнила я.

– О Нормане.

– Ах, о Нормане! – Я посмотрела на крыльцо, где видела его в последний раз. – Он действительно ведет себя как-то отстраненно.

– Правда? – Мира подняла брови. – Ну сейчас лето. Он плохо переносит жару, знаешь ли. Ты бы видела, какие комки шерсти он выплевывает.

Я снова выглянула в окно.

– Норман?

– Кот, – пояснила она. – Кот Норман.

Мира указала на стул у двери, на котором предмет нашей дискуссии старательно вылизывал лапу.

– Я думала, вы о...

– О Нормане? – догадалась она и внезапно расхохоталась, прикрывая рот ладонью. На щеках у нее проступили ямочки. – Ох, нет, не этот Норман. Ну то есть с его прической можно и с него шерсть клочьями собирать. Но я не видела, чтобы он что-нибудь отплевывал...

– Я просто не знала, – тихо промолвила я, и на мгновение мне показалось, будто я опять толстая, чувствую на себе слой жира – как всегда, когда кто-то смеялся надо мной.

– Ну-ну, – тетя взяла меня под руку, – ты же просто не поняла. В конце концов, кота Нормана называли в честь человека Нормана. Они очень похожи по характеру. Не говоря уж о том, что оба медлительные.

– Человек Норман, – повторила я, проходя вслед за тетей в дальнюю комнату.

Комната была просторная, солнечная и, как и крыльцо, тянулась по всей длине дома. На экране в самом разгаре был следующий матч: два рыжих мужика в черных шортах описывали круги вокруг друг друга.

– Но я не могу жить без обоих! – драматически воскликнула Мира, бросая взгляд на телевизор, потом на меня. – Если бы человек Норман не жил у меня в подвале, некому было бы открывать мне банки. А кот Норман – моя деточка.

– Норман живет в подвале? – удивилась я.

– Да, – кивнула тетя, усаживаясь в глубокое кресло перед телевизором и аккуратно обочащая кимоно вокруг ног. На стене висел большой портрет Миры и кота Нормана, сидящих на лужайке перед домом. На портрете тетя была в белом платье и розовых солнцезащитных очках в форме звезд; она улыбалась. Кот Норман сидел рядом с ней, подставляя изогнутую спину под ее руку.

– В комнате внизу, – объяснила тетя. – От него никаких хлопот, я часто вообще забываю, что он здесь.

Я посмотрела в окно – на голубой искрящийся океан. К пляжу вела тропа, а, вытянув шею, я разглядела открытую дверь и Нормана, тащившего куда-то одного из безголовых манекенов. Справа от тропы виднелся домик поменьше, выкрашенный той же белой краской, что и у Миры. Возле него была натянута бельевая веревка, на ветру колыхалось разноцветное белье.

– Итак, – сказала тетя, устраиваясь удобнее в кресле. – Как ты добралась?

– Хорошо.

– А как мама?

– Нормально.

Она кивнула, снова продемонстрировав ямочки на щеках.

– Больно было?

– Что?

– Вставлять эту штуку в губу.

– Нет, – ответила я.

У нас с тетей Мирой заканчивались темы для разговора. Я оглядела комнату. Все было старым, и потому с каким-то особым налетом очарования, и нуждалось в ремонте: у кресла-качалки не хватало нескольких черных перекладин, у выцветшего розового комодика не было ручек, а по аквариуму, полному ракушек и стекляшек, расползлась трещина. А потом, прищмотревшись, я увидела карточки. Как и та, на крыльце, они были написаны аккуратными печатными буквами. «Окно заедает слева», – сообщала карточка у задней двери. «Средняя клавиша не работает», – на выключателе на стене напротив. А на телевизоре, прямо около кнопки переключения каналов: «Потрясти, чтобы включился 11-й».

Лето обещало быть долгим.

– Господи! – громко воскликнула Мира, и я подпрыгнула. Она быстро наклонилась поближе к экрану. – Только посмотри на этого ужасного Эль Гиганτικο! Это даже не его бой, а он собирается атаковать бедняжку Рекса Руньона.

– Что?

– Смотри! – Тетя показала на экран. – Подружка Эль Гиганτικο, Крошка Лола, ушла от него на прошлой неделе к Рексу Руньону. А теперь он собирается превратить бедняжку Рекса в отбивную. О нет! Почему судьбы его не останавливают? Безобразие!

Она сидела, оперевшись локтями в колени и не сводя глаз с экрана.

– Ну, – начала я, – это все...

– Ох! – Ее рука взлетела ко рту, розовые пальцы на ногах поджались. – Он собирается выполнить «четверку». Бедняжка Рекс. До завтра будет вспоминать. Ума не приложу, почему Эль Гиганτικο так переживает из-за этой Лолы, она же дрянь, каких мало...

– Мира, – перебила я, – ты же знаешь, что это...

Она оторвала взгляд от бедняжки Рекса Руньона, голова которого ритмично встречалась с полом на краю ринга под дружный счет толпы.

– Знаю что? – жизнерадостно спросила она. И я пожалела, что у нее нет карточки с инструкциями, которая подсказала бы мне, как сформулировать мысль.

– Ничего. Я забыла, что хотела сказать, – произнесла я, и она вновь сосредоточила внимание на передаче.

Я была здесь новенькой. Пусть лучше не от меня узнает, что все бои – постановочные. В общем, я досмотрела эпизод, в котором у Рекса Руньона открылось второе дыхание, он набросился на Эль Гиганτικο, запрыгнул ему на спину и повалил, словно Давид, убивающий Голиафа.

Солнце медленно опускалось в воду, а внизу Норман вытаскивал за шею остальные свои манекены. Мира хлопала в ладоши и поддерживала участников с абсолютной верой в реальность происходящего. Кот Норман сидел на подоконнике, вылизывая свои лапы.

Так началось мое лето.

Глава 2

Мы смотрели рестлинг примерно час. За это время увидели четыре боя, несколько споров и жестокое избиевание двух судей.

– Что ж, – наконец произнесла Мира, когда начались местные новости и она выключила телевизор. – Умереть как хочется салата с жареной курочкой. Ты голодна?

– Да, – кивнула я.

– Вот, а как раз за углом есть подходящее местечко. Еда там отличная.

– Хорошо. – Я поднялась и вытащила деньги, которые мама сунула мне на карманные расходы.

– Подожди. Это твой первый вечер здесь. Я угощаю. – Мира взяла в руки сумочку – огромную, розовую, виниловую, явно найденную на какой-то барахолке, – вытащила кошелек и протянула мне двадцать долларов.

– А ты? – спросила я.

– Я останусь дома. Я уже выходила сегодня в город. И так ты сможешь освоиться, пообвыкнуться, правильно? – Мира вытащила из волос ручку и решительным движением вернула ее на место. – Не говоря уж о том, что на велосипеде всего одно место, если только ты не хочешь ехать на руле. Но когда мы в последний раз пробовали провернуть этот трюк, я наехала на камень, Норман слетел и приземлился в изгородь, прямо в заросли ядовитого плюща. Это было просто ужасно.

– Подожди! – Я пыталась уследить за ходом ее мысли. – Велосипед?

– Да, он на веранде. – Тетя встала и потуже затянула пояс кимоно. – Не беспокойся, на нем и фонарик есть. И в «Последний шанс» дорога совсем прямая. Только не попади в здоровенную выбоину и остерегайся ротвейлера Мейсонов.

– Что?

– Салат «Цезарь» у них – пальчики оближешь! – воскликнула она уже по пути в кухню. Дверь открылась со скрипом. – Но ты заказывай, что захочешь.

Я обернулась, чтобы ответить, но тетя уже удалилась, напевая себе под нос и больше не вспоминая обо мне. Я посмотрела на табличку у двери – «ЗВОНОК» – и почувствовала, будто меня подхватило и унесло гигантским циклоном, как Дороти в страну Оз, только поблизости нет ни одной доброй волшебницы, которая могла бы меня спасти. Но в животе урчало, так что я, посмотрев на велосипед и решив не рисковать, спустилась по ступеням и вышла с ярко освещенной веранды в темноту.

Бар и гриль-ресторан «Последний шанс» оказался маленьким домиком на углу, прямо перед съездом к мосту, который вел на материк. Заведение могло похвастаться одним-единственным фонарем, несколькими парковочными местами и вывеской, гласившей, в стиле Мириных карточек: «ЕДА». Я зашла и увидела высокую тощую девушку, которая явно собиралась устроить сцену.

– Помяни мое слово, – заявила она фигуристой блондинке, которая стояла, положив руку на бедро, – что если я снова получу меньше пятнадцати процентов, то прольется чья-то кровь.

– Угу, – откликнулась блондинка. Она стояла у кофе-машины и наблюдала, как та работает.

– Помяни мое слово! – повторила тощая.

У нее была короткая стрижка и прямая челка. Она повернулась и посмотрела в дальний угол ресторана, где группа мужчин в костюмах с шумом отодвигали стулья, собираясь уходить. Потом блондинка взглянула на меня. Губы у нее были накрашены ярко-красной помадой.

– Я могу вам помочь?

– Я бы хотела заказать еду с собой, – ответила я. Мой голос оглушительно прокатился по почти пустому помещению.

– Меню вот здесь, – сказала она, кивая на стопку прямо у моего локтя. Она уставилась мне на губу. – Дайте знать, когда определитесь.

Высокая девушка протиснулась мимо меня и выбралась из-за стойки, затем отошла, освобождая проход мужчинам в костюмах. Тот, что шел последним, жевал зубочистку и причмокивал. Блондинка встала на другой стороне стойки и не сводила с меня глаз.

– Хорошего вечера! – протянула высокая девушка с южным акцентом.

– И вам, – пробормотал один из мужчин.

Я вернулась к изучению меню, где предлагали стандартную пляжную еду: жареные морепродукты, бургеры, луковые колечки – все то, что было под запретом в нашем доме с тех пор, как мама переродилась в образе Кики Спаркс. Я много месяцев не ела даже картофеля фри, не говоря уже о бургерах, и мой рот моментально наполнился слюной.

– Так я и знала, – объявила высокая девушка с другого конца помещения. Она стояла у стола, из-за которого вышли мужчины, и держала в руке горсть мелочи. – Доллар семьдесят. С тридцатидолларового счета.

– Ну... – Блондинка явно привыкла к подобным разговорам.

– Проклятие! – бросила высокая.

– Ладно. – Блондинка перевела взгляд на меня: – Вы что-нибудь выбрали?

– Да.

Она неторопливо подошла ко мне, вытаскивая блокнот из кармана фартука, небрежно повязанного вокруг ее талии.

– Слушаю.

– Я больше не могу! – продолжала высокая, решительно пересекая помещение. Ступни у нее были большие и плоские.

– Салат с жареной курицей, – произнесла я, вспомнив заказ тети Миры, – и чизбургер с картофелем. И луковые колечки.

Блондинка кивнула, делая пометки в блокноте.

– Что-нибудь еще?

– Нет.

Высокая девушка остановилась около меня и с грохотом положила мелочь на прилавок. Одна монетка со звоном упала на пол.

– Я больше не могу! – драматично заявила она. – Я больше не буду молчать.

– Кетчуп понадобится? – спросила меня блондинка, не обращая на коллегу внимания.

– Да, – кивнула я.

Высокая девушка сняла фартук и скомкала его в руках.

– Я не хочу этого делать, а меня вынуждают! – бросила она.

– Майонез? – предложила блондинка.

– Нет, – сказала я.

– Я увольняюсь! – объявила высокая девушка, швыряя фартук в блондинку. Та ловко поймала его. – А теперь я пойду и выскажу этим придуркам все, что о них думаю.

Она сделала два шага к двери, пинком открыла ее и исчезла. Дверь захлопнулась и задрожала. Блондинка, все еще держа в руках фартук, подошла к окну и нацепила бумажку с моим заказом на специальный колышек.

– У нас заказ.

– Хорошо! – откликнулся какой-то парень, и я увидела, как из окошка выдачи высунулся Норман и забрал бумажку. Очки в синей оправе были сдвинуты на макушку.

– А где Морган? – спросил он.

– Уволилась, – промолвила блондинка.

Она вытащила откуда-то журнал «Вог» и принялась перелистывать страницы. Норман улыбнулся, потом бросил взгляд к дверям и увидел меня.

– Привет, Коули! – воскликнула он. – Это для вас с Мирой?

– Да, – кивнула я. Блондинка снова посмотрела на меня.

– Круто, – сказал Норман и, помахав мне рукой, скрылся.

Я стояла и ждала свою еду; в кухне тихо звучала музыка. Через десять минут у меня за спиной скрипнула дверь. Высокая девушка – Морган – снова зашла в закусочную, что-то бормоча себе под нос.

– Уже свалили? – спросила блондинка скучающим тоном.

– Отъехали, стоило мне выйти, – проворчала Морган. Когда она поравнялась с блондинкой, та протянула ей фартук, не отрываясь от журнала.

– Плохо дело, – промолвила она.

– Последнее лето я здесь работаю! – объявила Морган, завязывая пояс передника идеальным бантом. – Я серьезно.

– Знаю. – Блондинка перелистнула страницу.

– Я серьезно. – Морган шагнула к автомату, наполнила чашку льдом и принялась сосредоточенно его жевать. Затем она увидела меня. – Вас уже обслуживают?

– Да, – ответила я.

– Это племянница Миры, – сообщила блондинка.

Морган с интересом посмотрела на меня.

– Правда?

– Помнишь, Норман рассказывал нам про нее? – Блондинка отложила журнал и взглянула на меня. – Дочь Кики Спаркс, представляешь?

– Неужели? Как тебя зовут?

– Коули, – сдержанно произнесла я. Мне хватало опыта, чтобы знать: всегда надо быть начеку.

– Что это у тебя в губе? – усмехнулась блондинка. – Жуть какая-то!

– Изабель! – Морган ткнула ее локтем в бок. – Сколько тебе лет, Коули?

– Пятнадцать, – ответила я.

Морган приблизилась ко мне, заправляя за ухо прядь волос. На правой руке у нее было кольцо с бриллиантом, совсем крошечным – но достаточно большим, чтобы сверкнуть в луче света.

– Ты к нам надолго?

– На лето.

– Заказ готов! – крикнул Норман из кухни.

– Вот и прекрасно, – сказала Морган. – Будешь как раз по соседству. Можно как-нибудь сходить в кино или еще куда-нибудь.

– Конечно! – откликнулась я, но очень тихо. – Было бы...

– Держи. – Изабель, блондинка, плюхнула передо мной коробки с едой. – Кетчуп в коробке. С тебя пятнадцать восемьдесят с учетом налога.

– Спасибо, – кивнула я, протягивая ей двадцатку.

Она развернулась и направилась к кассе.

– Ну, передавай Мире привет, – промолвила Морган. – И скажи, что я буду на «Тройной угрозе» – у меня как раз выходной.

– На «Тройной угрозе», – повторила я. Это явно было как-то связано с рестлингом. – Ладно, передам.

– Вот сдача. – Изабель швырнула на коробки горсть мелочи.

– Спасибо.

Изабель отступила назад, к Морган, и, прищурившись, изучала меня.

– Можно я кое-что скажу? – спросила она.

– Нет, – возразила Морган.

Я промолчала, а Изабель продолжила:

– Эта штуковина в твоей губе, она, ну, отвратительная, – заявила она, сморщив носик.

– Изабель, прекрати!

– А когда в следующий раз будешь красить волосы, – добавила Изабель, не обращая внимания на Морган, – постарайся, чтобы цвет был равномерным. Я уверена, твоя мама может позволить себе отправить тебя к профессионалу.

– Изабель! – Морган схватила ее за руку. – Коули, ты ее не слушай...

Но я ее уже не слышала – еще не осознав толком, что произошло, я развернулась и, забрав свои коробки, поспешила на парковку. За много лет я в совершенстве овладела искусством выбираться из неприятных ситуаций. Это было чем-то вроде автопилота: я просто закрывалась и отстранялась; мой мозг отключался до того, как что-то обидное успевало проникнуть внутрь. Но порой высказывания все же достигали цели.

Теперь я стояла под одиноким фонарем, чувствуя запах картофеля фри и луковых колечек. Голод исчез. Я сама будто испарилась, и вместо меня появилась старая версия – потолще, помоложе, снова у себя в городке в ту ночь, когда мы с Чейзом Мерсером решили прогуляться по полю для гольфа. Я не плакала по пути к дому Миры. В слезах мало смысла. Боль все равно не отступает. Впрочем, я была рада, что больше не плачу. Я ведь даже не знала эту девушку, Изабель, с ее белокурыми волосами и капризными губами. На мне как будто вечно висела табличка «Пни меня» – и дома, и в школе, и во всем остальном мире. «Так нечестно», – подумала я, но это было так же бессмысленно, как и все остальное.

Дома я застала Миру перед телевизором. Она надела синие старушечьи тапочки и сменила кимоно на выцветший клетчатый халат.

– Коули! – крикнула она. – Это ты?

– Да, – ответила я.

– Тебе понравилась закусочная?

Я посмотрела на себя в зеркало у двери: на черные волосы, пирсинг в губе, рваные джинсы и черную футболку с длинным рукавом, которую надела, несмотря на летнюю жару. Изабель невзлюбила меня с первого взгляда, и не потому, что я была толстая.

– Коули! – снова позвала Мира.

– Я принесла твой салат.

Она открыла коробку и немедленно сунула в рот лист латука.

– Ох, ты будешь в восторге от их соуса «Цезарь»! – радостно заявила Мира. – Иногда Норман тайком приносит мне его домой. Просто чудо! А что ты заказала?

– Бургер с картофелем. Вот сдача. – Я положила деньги на журнальный столик, где нас уже ждали две тарелки, два стакана с ледяным чаем и стопка салфеток.

– Спасибо. А теперь присаживайся, и давай есть. Я умираю от голода!

Кот Норман вылез из-под дивана и ткнулся носом в дно коробки.

– Я не очень проголодалась, – сказала я.

– Плохой кот! – воскликнула Мира, отпихивая его ногой, и добавила, обращаясь ко мне: – Но ты должна быть страшно голодна! У тебя был такой длинный день, столько впечатлений!

– Я устала, – призналась я. – Думаю, мне лучше просто лечь спать.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего.

– Точно?

Я вспомнила об Изабель, о том, как она, прищурившись, мгновенно набросилась на меня. О маме в ее пурпурном костюме и поскрипывающих кроссовках, машущей мне вслед. О том, что впереди еще – целое лето.

– Ничего не случилось, – повторила я.

– Ну хорошо, – медленно произнесла Мира, словно это было стратегическое отступление. – Ты, наверное, совсем измотана.

– Да, – кивнула я, выходя из комнаты и держа в руках свой бургер.

– Ну тогда спокойной ночи! – крикнула она мне вслед. – И если передумаешь...

– Спасибо.

Но Мира уже устраивалась поудобнее в кресле. Кот Норман не без труда запрыгнул на подлокотник. Она увеличила громкость в телевизоре, чтобы лучше слышать очередной бой, и пока я поднималась по лестнице в свою комнату, до меня доносились звуки ревущей толпы, подбадривания и крики.

– Коули!

Утро еще не наступило. В комнате было темно, а луна, большая и желтая, висела там же, где я ее оставила, – в углу окна.

– Коули!

Я села в постели, на секунду позабыв, где нахожусь. Потом воспоминания нахлынули: поезд, Норман, рестлинг, советы по стилю от Изабель. Кожа на лице казалась сухой и натянутой слишком туго, ресницы слиплись от слез, без которых я научилась обходиться.

– Коули! – раздался голос Миры прямо за дверью. – Дорогуша, к тебе гости.

– Гости?

– Да. Они внизу.

Она постучала костяшками пальцев по двери и ушла. Я подумала: не сон ли это? Натянув джинсы, открыла дверь и посмотрела вниз, в ярко освещенную нижнюю комнату. Наверное, какая-то шутка. Ко мне даже дома гости не заходили, не говоря уж о месте, где я провела менее суток. Я начала спускаться по лестнице, шурясь по мере того, как свет становился все ярче. Все вокруг казалось странным – будто я проспала целую вечность.

Я находилась уже внизу, когда увидела у двери ноги в сандалиях. Еще две ступеньки – появились лодыжки, колени, узкая талия с обвязанной вокруг нее ветровкой. Еще две ступеньки – кончики светлых волос, затем капризные губы, знакомые глаза, наблюдавшие за мной. Я замерла.

– Привет! – сказала Изабель. Ее руки были скрещены на груди. – Есть минутка?

Я помолчала, вспомнив Каролину Доуз и остальных девчонок вроде нее, которых оставила в Шарлотте.

– Я просто хочу поговорить, – процедила она, будто я уже ответила «нет». Затем она глубоко вздохнула и бросила быстрый взгляд на улицу. Это ее, похоже, успокоило. – Ладно?

– Ладно, – промолвила я.

Изабель развернулась и вышла, не придерживая дверь, так что мне пришлось ловить ее, чтобы не удариться. На крыльце она облокотилась на один из столбиков, закусил губу и выглянула во двор. Вблизи Изабель оказалась еще симпатичнее: лицо «сердечком», большие голубые глаза и светлая кожа без единого прыщика. Почему-то от этого не любить ее стало еще проще. Мы обе молчали.

– Слушай, – вдруг произнесла Изабель. – Прости! – Она сказала это резко, будто я заставляла ее извиняться.

Я молча смотрела на нее.

– Что? – спросила она. – Что ты еще хочешь?

– Изабель? – Из тени лестницы выступила Морган со строгим выражением лица. – Ты знаешь, мы не так договаривались.

– Отстань! – огрызнулась Изабель.

– Сделай, как я сказала, – продолжила Морган. – Искренне.

– Я не могу...

– Давай. Живо. – Морган поднялась на вторую ступеньку и кивнула в мою сторону. – Приступай.

Изабель обернулась ко мне, поправив прическу.

– Ладно, – начала она. – Извини, что я тебе наговорила всякого. Я склонна критично относиться к тому, что... – Она замолчала и посмотрела на Морган.

– К тому, чего не понимаю, – подсказала та.

– К тому, чего не понимаю, – повторила Изабель. – Мои замечания были грубыми, обидными и неуместными. Я пойму, если ты не сможешь меня уважать.

– Но... – снова подсказала Морган.

– Но, – проворчала Изабель, – я надеюсь, что ты сумеешь меня простить.

Морган улыбнулась и кивнула:

– Спасибо. – Потом она посмотрела на меня.

– Все в порядке, – произнесла я. – Не о чем беспокоиться.

– Спасибо, – сказала Изабель, отступая назад.

– Вот видишь? – Морган сжала ее плечо. – Не так уж и трудно, правда?

– Я пошла домой, – сообщила та с чувством выполненного долга и устремилась через двор к маленькому белому домику, который я видела днем.

Морган вздохнула. Вблизи она казалась старше и еще более угловатой: острые локти, выступающие ключицы, курносый нос.

– Она не так уж плоха, – заметила Морган, будто я утверждала обратное. – Но иногда ведет себя как настоящая стерва. Марк говорит, что у нее снижены функции дружбы.

– Марк?

– Мой жених. – Морган улыбнулась и вытянула правую руку, на которой сверкал крошечный бриллиант.

Из маленького домика внезапно зазвучала музыка. В окнах загорелся свет, и я увидела, как в них промелькнула Изабель.

– Тогда зачем ты ее терпишь? – спросила я.

Морган посмотрела в сторону домика. Музыка была веселой, диковатой и заводной. Изабель танцевала, держа в руке бутылку пива. Она скользила за окнами, встряхивая волосами и покачивая бедрами. Морган улыбнулась:

– Потому что она моя подруга.

Она спустилась по лестнице, пересекла двор и вышла на дорожку, ведущую к маленькому домику. У самой двери обернулась и помахала мне рукой:

– Увидимся!

– Да, – ответила я.

Я смотрела, как она открыла дверь, – на улицу выплеснулись завывания какой-то дискотек. Стоило Морган переступить порог, как Изабель ураганом пронеслась мимо, схватила ее за руку и утянула в тепло. Дверь за ними захлопнулась.

Глава 3

На следующее утро в ванной над раковиной я увидела карточку.

«КРАН ПОДТЕКАЕТ, – гласила она. – ПОСЛЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАТЯНУТЬ КЛЮЧОМ». Стрелочка указывала на маленький гаечный ключ, привязанный к трубе ярко-красной шерстяной нитью.

«Бред какой-то», – подумала я.

Но это было еще не все. В душевой кабине табличка над мыльницей гласила: «ГОРЯЧАЯ ВОДА ОБЖИГАЕТ!» На бачке унитаза: «РУЧКА РАЗБОЛТАНА. НЕ ВЫРЫВАТЬ!» (Можно подумать, я собиралась дергать.) Вентилятор на люстре был, очевидно, «СЛОМАН», несколько плиток у двери «ВОТ-ВОТ ОТВАЛЯТСЯ», так что нужно было «СТУПАТЬ ОСТОРОЖНО». Еще одна интригующая карточка проинформировала меня, что лампочка над аптечкой работает, но только иногда.

Они были по всему дому. Я шла по ним, словно по следу из хлебных крошек в сказке. Окна были «НАГЛУХО ЗАКРАШЕНЫ», перила «РАСШАТАНЫ», стулья – «БЕЗ НОЖКИ». Казалось, я попала в какую-то странную игру, и она выбивала меня из колеи, вызвала иррациональную потребность, чтобы все вокруг было новеньким и работало как часы. Я удивлялась, как нормальный человек может жить в таких условиях, – впрочем, Миру сложно было назвать нормальной.

До приезда в Колби я знала о Мире только то, что она была на два года старше мамы, не замужем и унаследовала все деньги моего деда. Мира жила в Чикаго первые несколько лет, пока мы разъезжали по всей стране на нашем Воларе, и единственное, что я ясно помню о ней, – это пончики, которые она делала из готового покупного теста, жарила и обсыпала сахаром и корицей. Кажется, она всегда либо готовила, либо ела.

Когда мама похудела, она будто открыла для себя новую религию. Она хотела поделиться благой вестью со всеми вокруг: сперва со мной, а потом с легионами женщин, толпами стекавших на ее занятия, и со всем белым светом. Но Миру обратить ей явно не удалось: в кладовой в моей комнате были все виды товаров от Кики, какие только существовали в природе, аккуратно сложены и не распакованы. (Свои я добавила туда же.) А тем утром Мира приготовила пончики. Я сидела и смотрела, как она поглотила пять штук – раз-два-три-четыре-пять – один за другим, облизывая пальцы и безумно хихикая.

Мира всегда была любимицей бабушки и дедушки: она получила художественное образование, обладала потенциалом и считалась примерной дочерью. А мама, напротив, была дикаркой и внешне, и по образу жизни и утратила их благосклонность, когда в двадцать лет забеременела, бросила институт и родила меня. Мы так много переезжали, что ее родители не всегда знали, где мы живем, – не говоря уж о том, как мы выглядим. Наши немногочисленные визиты к Мире обычно заканчивались скандалом, поводом к которым служил какой-нибудь эпизод из детства, который Мира и мама помнили по-разному. В последний раз я видела ее на похоронах бабушки в Цинциннати – мне тогда было лет десять. Мы тогда задержались ровно настолько, сколько требовалось, чтобы узнать, что Мира унаследовала все, – а вскоре после этого она переехала в Колби.

Съев два пончика, я поняла, что мои потерянные двадцать килограммов легко вернутся, если я все лето буду питаться тем, что мама называла балластом. Так что я отправилась на пляж и час бегала трусцой, включив музыку на полную громкость.

Когда я вернулась, Мира находилась в студии – большой захлавленной комнате по соседству с кухней. На ней был желтый комбинезон и тапочки, волосы собраны в пучок, из которого торчало штук семь ручек, с колпачками и без.

– Хочешь посмотреть на мою похоронку? – весело спросила она. – Я работала над ней всю неделю.

– Похоронку?

– Ну формально это называется «открытка с соболезнованиями», – объяснила она, устраиваясь поудобнее в офисном стуле, сиденье которого было поднято на максимальную высоту. – Но, знаешь, надо называть вещи своими именами.

Я взяла два куска ватмана, которые она мне протянула. На первом она нарисовала пастелью цветы, поверх которых написала: «Мне так жаль...»

А на втором – макет внутренней части открытки: «Любая потеря – это тяжелое бремя, но особенно тяжела потеря бывшего возлюбленного. Какими бы ни были обстоятельства, вы любили друг друга. Мое сердце и мысли с тобой в это непростое время».

– Слишком сильно? – поинтересовалась она. Я разглядывала страницу, на которой мелким шрифтом было написано: «Мгновения с Мирой», с сердечками вместо обеих букв «о».

– Да нет, – промямлила я. – Просто никогда раньше не видела открытки по такому случаю.

– Это новая тенденция, – пояснила она, вынимая ручку из волос. – Специализированные открытки с соболезнованиями по различным запросам. Смерть бывшего мужа, смерть начальника, смерть почтальона...

Я уставилась на нее.

– Я серьезно! – воскликнула она и, развернувшись на стуле, потянулась за коробкой позади себя. – Вот, слушай. – Она достала открытку. – Наружная сторона: «Он был мне как друг...» Внутренняя: «Иногда услуга может стать чем-то большим, чем рутина, если служащий подходит к делу с душой, юмором и заботой. Он был мне как друг, и я буду очень скучать по нашим ежедневным встречам». – Она взглянула на меня с широкой улыбкой. – Понимаешь теперь, о чем я?

– И это вручается почтальону?

– Его вдове, – поправила Мира, бросая открытку обратно в коробку. – У меня они есть на все случаи, для всех профессий. Тут уж ничего не поделаешь. У людей теперь все очень персонализировано. Так что и открытки должны соответствовать.

– Не знаю, купила ли бы я открытку для вдовы почтальона.

– Ты – может, и нет. Но ведь ты вообще не любитель открыток. А некоторых хлебом не корми – дай отправить открытку. На них мой бизнес и держится.

Я посмотрела на полки на дальней стене, заставленные коробками открыток.

– Это все твои творения?

– Да. Я делаю по две-три штуки в неделю с тех пор, как закончила художественную школу. Тут есть открытки, которым по десять-пятнадцать лет.

– И ты делаешь только похоронки? – спросила я.

– Ну начинала я со стандартного набора. – Она поправила банку с ручками на столе. – Дни рождения, валентинки и так далее. Хотя особенным успехом пользовались открытки с Нонни.

– Подожди, – внезапно сказала я. – Мне знакомо это имя.

Мира улыбнулась и выудила из-под стола еще одну открытку.

– Да, она была первопроходцем. Нонни сделала мне имя в этом бизнесе.

Я сразу же узнала маленькую девочку в костюме морячка и маминых туфлях на каблучке. Она была звездой открыток, новым веянием после кота Гарфилда. Как-то, когда у нас еще не было денег, я умоляла маму купить мне куклу Нонни на заправке.

– Господи! – Я взглянула на Миру. – Я и не знала, что это придумала ты.

– Да. – Она ласково улыбалась, глядя на открытку. – У нее были свои пять минут славы. Но потом, после всей этой шумихи, я решила сосредоточиться на чем-то совершенно новом. Меня завораживали соболезнования. Это терра инкогнита.

Я, опешив, смотрела на нагромождения коробок, занимавших целые полки. Целая жизнь, посвященная смерти.

– У тебя когда-нибудь заканчиваются идеи?

– На самом деле – нет. – Она болтала ногами в голубых пушистых тапочках. – Просто поразительно, сколько разных способов существует для того, чтобы сообщить миру о своем сочувствии. Я еще и близко не подошла к тому, чтобы исследовать их все.

– И все же. Это немало мертвых почтальонов.

Она удивленно распахнула глаза, а потом рассмеялась – одно-единственное взрывное: «Ха!», и из ее волос с громким стуком выпала ручка. Она не обратила внимания.

– Наверное, ты права, – сказала она, снова глядя на полки. – Совсем немало.

Кот Норман вскарабкался на подоконник и с трудом разместился на его ограниченной площади. Снаружи раскачивались многочисленные кормушки Миры. На каждой примостилось по несколько птиц. Кот Норман поднял лапу, стукнул по стеклу и, зевнув, зажмурился, греясь в солнечных лучах.

– Что ж, – произнесла Мира, – у тебя сегодня первый день. Тебе стоит осмотреться, познакомиться с городом.

– Может, я так и сделаю, – решила я, и тут раздался грохот входной двери.

– Это я! – крикнул кто-то.

– Человек Норман! – откликнулась Мира. – Мы здесь.

Норман заглянул в кабинет, осмотрелся и зашел. Он был босиком, в джинсах и зеленой футболке, на воротнике которой висели солнцезащитные очки в красной квадратной оправе. Его волосы, достававшие до плеч, были еще не настолько длинными, чтобы придать ему раздражающе хипповый вид, но стремительно приближались к критической отметке.

– Ну, Норман. – Мира сняла колпачок с очередной ручки и начала рисовать контур дерева на новом листе бумаги. – Нашел что-нибудь интересное этим утром?

Он широко улыбнулся.

– Ох, день выдался отличный. Я нашел еще четыре пепельницы для моей скульптуры – одна сувенирная, с Ниагарским водопадом – и старый миксер, да еще целый ящик велосипедных шестеренок в придачу.

«Так я и знала, – подумала я, – чокнутый художник».

– Ух ты. – Мира вытащила ручку из волос. – И никаких солнцезащитных очков?

– Три пары, – ответил Норман. – Одни с фиолетовыми линзами.

– Урожайный день, – сказала она. – Мы с Норманом – большие любители гаражных распродаж, – пояснила она мне. – Я обставила практически весь дом мебелью, которую покупала с рук.

– Вот как. – Я посмотрела на треснувший аквариум.

– Ну конечно! – как ни в чем не бывало отозвалась Мира. – Ты бы видела, что выбрасывают некоторые люди! Если бы у меня только было время, чтобы все починить...

Норман взял в руки эскиз и, рассмотрев, вернул на стол.

– Сегодня утром я видел, как Беа Уильямсон ошиивается поблизости, – прошептал он. – Выискивала хрусталь.

– Ох, ну конечно, – вздохнула Мира. – А с ней?

Норман серьезно кивнул.

– Да. Клянусь, она как будто стала... еще больше.

Мира покачала головой:

– Быть такого не может!

– Я серьезно. Просто гигантская.

Я подождала, но никто, видимо, не собирался ничего пояснять. Тогда я спросила:

– О чем вы говорите?

Они переглянулись. Потом Мира сделала глубокий вдох.

– О ее малышке, – тихо пояснила она, как будто нас могли подслушать. – Беа Уильямсон родила девочку с самой большой головой, какую ты когда-либо видела.

Норман согласно кивнул.

– О малышке? – переспросила я.

– О малышке с гигантской головой, – поправила меня Мира. – Ты бы видела ее черепную коробку. Поражает воображение.

– Вырастет гением, – сказал Норман.

– Ну она же Уильямсон. – Мира вздохнула, как будто это все объясняло. Затем для меня она добавила: – У Уильямсонов есть определенная репутация в Колби.

– Они злюки, – объяснил Норман.

Мира покачала головой и махнула на него рукой.

– Хватит. Итак, Норман. Я как раз советовала Коули сегодня изучить окрестности. Знаешь, вчера она познакомилась с Изабель и Морган.

– Да. – Норман посмотрел на меня с улыбкой, и я быстро перевела взгляд на кормушки. – Я слышал.

– Очень хорошие девочки, – заявила Мира. – Хотя Изабель, как и Беа Уильямсон, может быть порой невыносима. Но у нее доброе сердце.

– Да уж, до Беи Уильямсон ей далеко.

– В глубине души все мы добрые, – произнесла Мира, посмотрев на меня. От ее взгляда мне стало не по себе. – Seriously, – добавила она, как будто думала, что я ей не поверю. Я смотрела в ее яркие глаза и гадала, что она хотела этим сказать.

– Я в библиотеку, – объявил Норман. – Тебе нужно что-нибудь вернуть?

– Ох, Норман, ты мой святой, – обрадовалась Мира и, качнувшись на стуле, указала на стопку книг у дальнего окна. – Без тебя я бы пропала.

– Неправда, – возразил Норман.

– Ох, Норман, – вздохнула Мира. – Я не знаю, что буду делать, когда ты меня бросишь. На велосипеде до библиотеки ехать далеко, и дорога ужасная.

– Никаких проблем, – заверил Норман. – Ну, Коули, поедешь со мной?

Мира уже снова погрузилась в работу, мурлыкая себе под нос какую-то мелодию. Она закинула ногу на ногу, покачивая тапком вверх-вниз, вверх-вниз.

– Наверное, – ответила я. – Только мне надо переодеться.

– Можешь не торопиться. – Он, прихватив книги, неторопливо направился к выходу. – Я подожду снаружи.

Я поднялась к себе, умылась, собрала волосы в хвост и переоделась в толстовку. Из окна я видела Нормана: он надел красные очки и растянулся на капоте, болтая ногами. Его можно было назвать симпатичным – если бы он был в моем вкусе. А это не так.

Я посмотрела на себя в зеркало. С забранными волосами я выглядела лет на двенадцать. Я распустила волосы. Снова сделала хвост. Переоделась и проверила, не заскучал ли Норман. Он, похоже, заснул, нежась на солнышке.

Я еще раз переоделась, прицепила к джинсам плеер и спустилась.

– Готова? – спросил он, как только я вышла на улицу. Я даже подпрыгнула от неожиданности. Значит, все-таки не спал.

– Разумеется, – ответила я и забралась в машину. Сиденье нагрелось и обжигало мне ноги. Норман открыл бардачок, и оттуда немедленно выпало пар шесть разнообразных солнцезащитных очков: «Рэй-Бэны», старушечьи в фиолетовой оправе, узкие с загнутыми дужками в стиле семидесятых.

– Ой! – Он принялся собирать их. – Извини.

Он снял очки, поменял их на зеленые, затолкал остальные в бардачок и захлопнул крышку. Она немедленно открылась обратно.

– Проклятье! – Он снова закрыл бардачок.

– Это все твои? – спросила я, как раз когда крышка вновь открылась и очередная пара вырвалась на волю.

– Ага! – Наконец ему удалось с грохотом закрыть бардачок. – Я их коллекционирую. – Он завел машину. – Хочешь взять одни?

– Нет.

– Ладно, – пожал плечами он. – Как знаешь.

Мы задом выехали со двора.

– Что слушаешь? – спросил он, указывая на болтающиеся на моей шее наушники.

– «Фурий Фьюквея», – ответила я.

– Кого-кого?

– «Фурий Фьюквея», – повторила я.

– Никогда не слышал, – заявил он и указал на магнитоу: – Вставляй.

Я вставила. Это было не совсем честно, потому что песня «Укус» как раз дошла до момента, где солист просто орет поверх грохота барабанов. Норман поморщился, как будто кто-то наступил ему на ногу.

Когда песня закончилась, он спросил:

– Тебе они нравятся?

– Да, – ответила я, возвращая кассету в плеер.

– Почему?

– Почему? – переспросила я.

– Ага.

– Просто нравятся.

– Дерьмо! – громко выругался он, и я уже собиралась сказать ему, что я такого же мнения о хипповой музыке, которую несомненно слушает он, но увидела, что он уставился на закусочную «Последний шанс» на другой стороне улицы. На парковку въезжали два больших автобуса с надписью «Семейные каникулы на пляже» по бортам.

– Что это? – спросила я.

– Придется отклониться от маршрута, – сказал он и, ударив по газам, рванул вперед. Двери автобусов как раз с шипением отъехали в сторону, и на улицу начали выбираться толпы людей – все в купальниках, козырьках и с детьми. Норман вышел из машины, обошел ее, чтобы достать из багажника пару ботинок. После этого он решительно направился к входной двери, лавируя между пассажирами автобусов.

– Пойдем. – Он бросил ботинки на землю и начал обуваться. – Нам может понадобится твоя помощь.

Я поднялась вслед за ним по ступеням. Уже образовалась очередь, и люди недовольно ворчали, пропуская нас. Норман толкал меня вперед, выкрикивая:

– Извините! Мы сотрудники!

Первым, кого я увидела, была Морган, стоящая за прилавком и потрясенно наблюдающая за растущей очередью.

– Помогите! – прокричала она, завидев Нормана, который помахал ей в ответ и направился на кухню. Через окошко выдачи я видела еще одного повара. Он был постарше, рыжеволосый.

Подошла Изабель со стопкой меню в руках.

– Их по меньшей мере семьдесят, – сказала она Морган.

– Семьдесят? – взвизгнула Морган. – Это шутка?

– Мы можем усадить пятьдесят пять. Остальным придется подождать или есть стоя. Иначе никак.

– Безумие! – Морган смотрела, как заполняются столы. Изабель уже металась от одного к другому, выдавая меню и приборы. – Я просто не могу так!

– Сколько? – прокричал Норман через окошко.

– Семьдесят! – откликнулась Морган. – Это невозможно, их слишком много, а у нас всего два повара, и здесь слишком...

– Только не впадай в истерику. – Изабель толкнула ее за стойку. – Ты мне сейчас нужна, Морган, хорошо?

– Я не могу, – повторила Морган, заламывая руки.

– Можешь, – настаивала Изабель. – Одна половина твоя, вторая моя. Выбора у нас нет.

– О господи, – простонала Морган, затягивая тесемки фартука.

– Давай. – Изабель бросила быстрый взгляд на очередь, подсчитывая – ее губы беззвучно шевелились. И тут она увидела меня.

– Эй, ты! – Она указала на меня. Все посмотрели друг на друга, потом на меня. – Да, ты. С губой.

И к чему были все извинения?

– Что? – спросила я.

– Хочешь принести пользу?

Я обдумала этот вопрос. Я знала, что ничего ей не должна. С другой стороны, мне предстояло провести здесь целое лето.

– Вот и отлично, – заявила она еще до того, как я успела раскрыть рот. Я подошла ближе, и она взяла лопатку для льда, сунула ее мне в руку и указала на автомат для газировки. – За работу.

Глава 4

Никогда не думала, что стану официанткой, но неожиданно оказалось, что теперь у меня есть работа. Конечно, это была идея Морган.

– Нам нужна лишняя пара рук, – сказала она Изабель, которая сидела на дальнем конце стойки и подсчитывала выручку. Морган переворачивала бутылки с кетчупом, смешивая их содержимое. – С тех пор как Хиллари дала деру с этим кубинцем, нам не хватает людей. Бик и Норман в кухне еще справляются, но Рон на Барбадосе все лето, так что управлять некому, – а это значит, нам с тобой придется работать за двоих.

– Мы справляемся, – возразила Изабель.

– Да. – Морган развернулась к ней. Я заметила у нее на щеке след от кетчупа. – Особенно хорошо ты справилась бы сегодня, если бы Коули не разливала газировку и не отвечала на телефонные звонки.

– У тебя кетчуп на лице, – сообщила Изабель.

Морган потерла ладонями обе щеки:

– Убрала?

– Да. – Изабель встала и потянулась. Ее роскошная грудь всколыхнулась.

– Ну что? – воскликнула Морган. – Давай, Изабель! Еще один такой день без подмоги нас добьет. Сама понимаешь.

Изабель взяла со стойки стопку купюр, свернула их и засунула в задний карман. Потом взглянула на меня.

– Мы не сможем много платить, – произнесла она. – Минимальный оклад плюс чаевые. Все.

– Будет здорово, Коули, – улыбнулась Морган. – Соглашайся.

– Быть официанткой – отстой, – заявила Изабель. – Многие не выдерживают.

– Ну не так все ужасно! – Морган потрясла бутылкой с кетчупом, выдавливая остатки. – К тому же нам тут весело, да?

– Дело твое, – усмехнулась Изабель, направляясь к дверям. – Я бы на твоём месте как следует все взвесила.

– Просто соглашайся, – прошептала мне Морган, пока Изабель открывала дверь, на ходу надевая солнцезащитные очки в красной оправе.

– Хорошо, – кивнула я. – Я согласна.

– Ладно! – откликнулась Изабель. – Начинаешь завтра утром. Приходи к девяти тридцати.

Дверь с грохотом захлопнулась за ней, и я услышала, как зашуршал гравий у нее под ногами – Изабель шла к старенькому черному «Гольфу», криво, на два места, припаркованному в дальнем углу стоянки. Она открыла дверцу, забралась в салон и достала из-под козырька ключ. Радио уже гроыхало, когда она резко сдала назад, разбрасывая гравий во все стороны.

– Поздравляю! – воскликнула Морган, протягивая мне бутылку с кетчупом. – Добро пожаловать в «Последний шанс».

Тем же вечером я стояла напротив ресторана, дожидаясь зеленого сигнала светофора, когда что-то вдалеке привлекло мое внимание. Сначала это был едва заметный блик, но постепенно объект приближался, и вот я уже могла разобрать цвет – красный, а потом и звук. Звонкок.

Когда я узнала красный велосипед тети Миры, из «Последнего шанса» высыпала группа посетителей. Это были девушки из колледжа, все в солнцезащитных очках и футболках с мокрыми пятнами от купальников. «Туристы-однодневки», – ехидно назвала их Изабель, словно

это было какое-то ругательство. Переговариваясь, они направились к пляжу, но их внимание тоже привлек этот звук.

Дзынь-дзынь. Пронзительный звон старомодного звонка, которыми в фильмах пользуются мальчишки-разносчики, усиливался по мере того, как к нам приближался велосипед. Девушки замолчали, и мы все вместе наблюдали за прибытием тети Миры. Она по-прежнему была в желтом комбинезоне с закатанной штаниной и стоптанных фиолетовых кедах с высоким голенищем. Длинные рыжие волосы развевались у нее за спиной, словно плащ супергероя. И, наконец, на ней были темные очки – черные, с загнутыми дужками, как у терминатора. Катафоты на ее выдавшем виды велосипеде ослепительно сияли.

И она звонила в свой звонок. Дзынь-дзынь, дзынь-дзынь.

– Господи! – рассмеялась одна из туристок. – Это еще что такое?

Мира приближалась к перекрестку. Девушки начали тесниться к своей машине, хихикая и наблюдая за происходящим, но она их не замечала. Все ее внимание сосредоточилось на мне.

– Коули! – воскликнула тетя, размахивая рукой, словно была хоть какая-то вероятность, что я ее не замечу. – Я здесь!

Я почувствовала на себе взгляды девушек, и краска бросилась мне в лицо. Я едва заметно подняла руку, мечтая, чтобы земля подо мной разверзлась и поглотила меня.

– Я еду на рынок за тестом для печенья! – проорала Мира, перекрикивая проезжающий мимо грузовик. – Тебе что-нибудь купить?

Я покачала головой.

– Ладно! – воскликнула она, поднимая большой палец. – Тогда до встречи!

Мира влилась в поток машин, медленно налегая на педали, объезжая ухабы, а затем устремилась под горку в центр города. Под уклоном тетя начала набирать скорость, так что спицы на колесах слились в сплошное полотно. На нее уставились люди из проезжающих автомобилей, девушки-однодневки, туристы на заправке, в общем, все – даже я. Мы наблюдали, как ее волосы снова заструились позади нее, как поймал солнечный луч катафот на заднем крыле – пока наконец Мира не исчезла за поворотом.

– Майонез, – сказала Морган, – похож на мужчин.

Было девять тридцать утра – начинался мой первый рабочий день. Я была на ногах с шести часов. Я до последнего думала, что Морган забудет обо мне, но в девять пятнадцать она подъехала к крыльцу и посигналила в клаксон, как мы и договаривались.

В ресторане не было никого, кроме нас и радио, настроенного на ретроволну. Звучал «Твист всю ночь», мы готовили заправку для салата и обе были по локоть в густом пахучем майонезе.

– Он может, – продолжила Морган, плюхнув в миску еще одну порцию, – улучшить все, добавить вкуса и легкости. А может быть мерзким, прилипчивым и вызывать тошноту.

Я улыбнулась, перемешивая содержимое своей миски и размышляя над ее словами.

– Ненавижу майонез!

– Скорее всего, ты и мужчин будешь ненавидеть, – заметила Морган. – От майонеза, по крайней мере, можно полностью отказаться.

Так она наставляла меня. В урок могло превратиться абсолютно все.

– Салат-латук, – объявила Морган, вытаскивая пучок из пластикового пакета, – должен быть кудрявым, а не склизким. И никаких коричневых или черных краев. Мы используем латук везде: в гарнирах, в салатах, в бургерах. Плохой лист салата может испортить весь день.

– Ясно, – кивнула я.

– Нарезать его надо так, – произнесла она и сделала несколько взмахов ножом, прежде чем передать его мне, – крупными кусками, но не слишком.

Я начала резать под наблюдением Морган.

– Хорошо, – сказала она, чуть подправив мою технику. – Очень хорошо.

Дотошность Морган распространялась на все. Приготовление соусов являлось целым ритуалом – ничего нельзя было отмерить без тщательной проверки. Изабель же, напротив, скидывала все ингредиенты в миску, делала пару движений ложкой, обмакивала в соус палец, чтобы на всякий случай снять пробу, – и получала совершенно такой же результат. Но у Морган был свой подход к делу.

– Морковь надо чистить «от себя». – Она показывала, как именно. – Попки отрезай примерно по полсантиметра. Когда складываешь морковь в комбайн, делай паузу раз в пять секунд – тогда кусочки получатся мельче.

Я чистила, резала и складывала. Научилась составлять из кофейных чашек и пакетиков с сахаром идеальную симметричную композицию и складывать тряпки для протирки столов под правильным углом – об ровную поверхность, чистой стороной вверх. Морган держала барную стойку в идеальном порядке – каждый предмет находился на своем месте. Когда она нервничала, то ходила туда-сюда, поправляя там что-нибудь.

– Коробки для заказов навывнос слева, крышки для стаканов – справа! – кричала Морган, шумно восстанавливая порядок вещей в своей вселенной. – А ложки – ручкой вверх, Изабель!

– Да, да, – отзывалась та. Когда она злилась или ей просто было скучно, она специально перекладывала вещи, чтобы посмотреть, как быстро Морган сможет их найти. Получалась игра в охотников на сокровища с налетом эмоционального шантажа.

Тот первый ланч, когда мы с Норманом примчались на выручку, оказался каруселью людей, шума и еды. Все кричали друг на друга, Изабель и Морган бегали с заказами, Норман переворачивал котлеты для бургеров и что-то втолковывал Бiku, второму повару, который сохранял спокойствие на протяжении всей смены. Я раскидывала лед по стаканам с таким усердием, будто на кону стояла моя жизнь, отвечала на звонки и принимала заказы, хотя ничего не знала о меню, и умудрилась сломать кассовый аппарат – он завис на десяти тысячах долларов и пищал пятнадцать минут, пока разъяренная Изабель не стукнула его пластиковым графином. Это был классический расклад «Мы против Них», и для разнообразия я была частью «Нас». Я не разбиралась в том, что делала. Выдавала напитки, хватала трубку, когда телефон начинал надрываться, оборачивая провод вокруг запястья и засовывая ручку, которую мне кинула Морган, в волосы, как это делала Изабель, и продолжала борьбу.

«Последний шанс»! – говорила я, перекрывая шум. – Чем могу помочь?

Теперь я занималась этим каждый день.

Когда я впервые подходила к столику с посетителями, у меня поджилки тряслись от страха. Я не могла поднять головы, заикаясь, вытягивала из себя основные вопросы, которым меня научила Морган: «Что бы вы хотели выпить? Вы определились? Какую степень прожарки предпочитаете? Вам картофель фри или кукурузные оладьи?» – и моя рука в буквальном смысле дрожала, когда я записывала заказ в блокнот. Мне было очень некомфортно под взглядами всех этих людей.

Но потом, примерно на третьем столике, у меня наконец хватило духу поднять голову, и я увидела, что никаких взглядов не было. В большинстве случаев, пока я стояла над посетителями, они листали меню, пытались извлечь из ладошек своих карапузов пакетики с сахаром или были так увлечены беседой, что я никак не отпечатывалась у них в памяти: через двадцать минут они жестом подзывали Изабель в полной уверенности, что это она обслуживает их столик. Они не знали меня, и я была им совершенно неинтересна. Для посетителей я была просто официанткой: девушкой в переднике и с кувшином чая; они не замечали даже мое кольцо в губе. И меня это полностью устраивало.

– В этом деле, – однажды сказала мне Морган, когда после обеда схлынула толпа, – каждый день получаешь опыт. Какие-то проблемы могут возникнуть, усугубиться, достигнуть пика

и разрешиться за пятнадцать минут или полчаса. У тебя нет времени даже испугаться. Нужно просто прорваться.

Она была права. На каждый пережаренный бургер, неправильно заправленный салат или забытый гарнир находилось свое решение. С каждым днем я становилась немного расторопнее, сильнее, увереннее. Даже Изабель стала моим союзником.

– Он просто придурок! – бросала она через плечо, когда ворчливый турист срывался на меня из-за того, что я забыла подсластить ему чай. – Господи, у него же отпуск! Мог бы быть повеселее.

И, наконец, как бы плохо ни было дело, каким бы грубым ни являлся посетитель, максимум через час он уходил. По сравнению с тем, к чему я привыкла, вынести час капризов мне было раз плюнуть.

А вот мама встревожилась.

– Дорогая! – Ее голос, переносимый протянутыми через океан проводами, слегка потрескивал. – Тебе нужно развлекаться. Работать нет нужды.

– Мама, мне нравится моя работа, – возразила я, хотя в ресторане старалась не подавать виду. Я как будто затаила дыхание и скрестила пальцы, ожидая, что в любой момент это веселье может закончиться.

Я заверила маму, что не обедаюсь луковыми колечками и бегаю каждый день, и это ее немного успокоило. И я не упоминала о табличках-указателях Миры, о ее велосипеде и кол-лекции поломанной мебели. Мама была склонна к бурным реакциям. Да и в любом случае ей было не до того – вот-вот должно начаться ее итальянское турне, которое включало в себя большое занятие по аэробике на футбольном стадионе. Сотни женщин будут приседать и подпрыгивать вместе с мамой, и такая мелочь, как моя работа официанткой, скоро забудется.

Но для меня это не было мелочью, ведь у меня появилась подруга.

– Коули, – сказала Морган в конце первой недели, когда мы, закрыв дверь за последним гостем, подметали полы. У меня болели ноги, я вся пропахла маслом, но в тот вечер заработала пятьдесят баксов – мои собственные пятьдесят баксов. – Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

Я вышла вслед за ней через черный ход и поднялась по лестнице на крышу – плоскую, липкую, пахнущую гудроном. Вокруг царила темнота, прорезанная редкими пятнами света: было видно супермаркет, мост и одинокий прожектор у автосалона.

– Видишь? – спросила Морган. – Смотри, вон там.

Она указала на яркое пятно за деревьями, которое можно было разглядеть, если подойти к самому краю крыши.

– Это стадион «Маверик», – сообщила Морган. – Там раньше играл Марк.

Мне казалось, будто я уже лично знаю Марка, ее жениха. Она постоянно говорила о нем. Я помнила, что он предпочитает боксеры, а не плавки. Он хочет троих детей: двух девочек и мальчика. Его показатели постепенно улучшались, и в этом сезоне у него было уже два хоум-рана, невзирая на травму запястья. И Марк сделал Морган предложение три месяца назад, в свой последний вечер в Колби, во время их прощального ужина в «Международном блинном доме».

– Я так по нему скучаю, – призналась Морган. В кошельке она хранила его фото – он был высоким темноволосым красавцем.

– Как вы познакомились? – спросила я.

Она улыбнулась:

– Вообще-то, как раз здесь. Во время обеденного наплыва. Марк сидел у стойки, и Изабель опрокинула ему на колени чашку кофе.

– Ой!

– Она так забегалась, что просто понеслась дальше, а я помогла Марку привести себя в порядок и извинилась. Он ответил, что ничего страшного не произошло, а я засмеялась и

добавила, что красоткам все сходит с рук. – Морган поправила кольцо на пальце, чтобы бриллиант оказался ровно в центре. – А он улыбнулся, посмотрел на Изабель и заявил, что она не в его вкусе.

Со стадиона раздались приглушенные крики, и у нас на глазах мяч перелетел через дальнюю стену и скрылся из виду.

– А я, – продолжила Морган, – сказала: «Вот как? А кто же тогда в твоём вкусе?» А он посмотрел на меня и сказал: «Ты». – Она расплылась в улыбке. – Понимаешь, Коули, я столько времени наблюдала, как парни, которые мне нравятся, ухлестывают за Изабель! Мы учились в десятом классе, и я целый год была влюблена в парня по имени Крис Кэтлок. И вот однажды вечером он наконец-то позвонил мне. Я чуть не умерла от счастья. Но оказалось... – Со стадиона снова раздались радостные крики и механический голос комментатора. – Он хотел узнать у меня, нравится ли он Изабель. – Морган поморщилась. – Это было кошмарно. Я проплакала несколько дней. Но в этом-то и прелесть моих отношений с Марком. Он выбрал меня. Он любит меня. – Она запрокинула голову и улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.